

Современная литература в поисках нового культурного героя¹

Modern literature in search of the new cultural hero

Н. Л. Зыховская, А. Ю. Павлова

*Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Россия*

Natalya Zyhovskaya and Alexandra Pavlova

*Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russia*

В статье, на материале анализа современных художественных произведений русской прозы, выявляются некоторые типы литературного героя. Выбор произведений основывается на принципах официальной номинации – произведения, ставшие лауреатами крупных российских литературных премий и конкурсов (признание профессиональным сообществом), а также удерживающие первые позиции в рейтинге продаж (востребованность аудитории). Литературный герой, в концепции авторов статьи, предстает культурным героем, отражающим актуальные ценностные ориентиры XXI века. Приводятся ключевые характеристики следующих типов: «свидетель эпохи», «святой», «виртуальный герой», «защитник», «дауншифтер», «сталкер».

Ключевые слова: современная литература, культурный герой, ценностные ориентиры времени, социокультурная диагностика действительности.

Based on the analysis of modern Russian prose, several types of literary character are identified. The choice of works is based on the principles of the official nomination – the works which have become winners of large Russian literary awards and competitions (recognition by professional community) and also holding the first positions in the rating of sales (demand of audience). The literary characters, in the concept of the authors, appear as the cultural characters reflecting relevant valuable reference points of the 21st century. The key characteristics of the following types are specified: «A witness of the epoch», «a Saint», «a virtual character», «a defender», «a downshifter», «a stalker».

Keywords: Modern literature, cultural character, value reference points of time, sociocultural diagnostics of reality.

Общество находит в литературе свою действительную жизнь, возведенную в идеал, приведенную в сознание.

В. Г. Белинский

Все литературные произведения несут образ читателя, для которого они созданы.

Ж. П. Сартр

Современный литературный процесс – явление сложное, не поддающееся логике линейно-поступательного развития, совмещающее подчас противоречивые и многоплановые смысловые и ценностные конструкты – что во многом препятствует однозначности трактовки исследовательской диагностики и рефлексии.

И, тем не менее, в условиях перехода в новое тысячелетие, когда особенно остро встают проблемы поиска актуального культурного героя, именно в литературе как неизменном «учебнике жизни» читатель стремится отыскать ценностные ориентиры общественного развития и образцы духовного самоопределения [1, 2, 3]. В этом смысле, обозначение писателя как «инженера человеческих душ» оказывается созвучным ценностно-трансформирующему эффекту, воплотившемуся

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

The article is prepared within the framework of the grant program of the President of the Russian Federation for the government support of leading academic schools in the Russian Federation (NSH-2018 Contest), «Culture as the Basis of Value and Spirit Consolidation: The Cultural heritage potential and images of the future»).

в идеях социальной инженерии [4, 5, 6] – идеологии и практике духовного преобразования настоящего и проектирования образов будущего культуры. Неслучайно, К. М. Кантор представляет историю чередой «парадигмальных проектов», осуществляемых именно при помощи творческих проектировщиков бытия, к которым относит литературные гении Данте и Рабле [7].

Таким образом, диагноз времени, поиск «лица», выражающего его актуальные ценностные смыслы видится нам возможным в пределах символического пространства современной художественной прозы, представляющего собой совокупность идей, мировоззренческих конструктов, своеобразный код восприятия себя в мире, репрезентируемый через образ героя произведения как тип культурного героя.

В настоящей статье мы обратимся к анализу произведений современной отечественной прозы, выделив и рассмотрев некоторые типы литературных героев как культурных героев, воплотивших в себе дух времени, транслирующих определенный комплекс идей, апеллирующих к универсальности культурных и моральных ценностей, хранителем или проводником которых они выступают.

Работа с современными литературными текстами (выступающими в качестве базы исследования) основывалась на следующих этапах:

1. *базовая фильтрация материала* – отбор художественных произведений для анализа. В качестве базового фильтра был определен принцип официальной номинации – отбор произведений, ставших лауреатами крупных российских литературных премий и конкурсов: «Национальный бестселлер», «Большая книга», «Книга года», «Русский букер», «Русская премия», «Нос», «Премия Андрея Белого», «Патриаршая литературная премия», «Ясная поляна», «Премия Александра Солженицына», «Новая пушкинская премия», «Различие», «Премия Дмитрия Горчева (для текстов, опубликованных в рунете)» в период с 2012 по 2017 годы. По итогам первого этапа было отобрано 113 произведений.

2. *иерархическое ранжирование материала* – сужение поля источников на основе рейтинга продаж произведений (первые пятьдесят позиций)². Анализовались «топы продаж» как печатных, так и электронных книг. Поскольку нас интересовала современная русская художественная литература, то иностранные произведения из рейтинга были исключены. По итогам второго этапа было отобрано 126 наименований печатных изданий и 101 наименование электронных.

На основе сопоставления обозначенных этапов (номинация в профессиональном сообществе и рейтинг продаж произведений) формировался окончательный список произведений для последующей исследовательской интерпретации. Таким образом, итоговый список включал в себя 20 художественных произведений, имеющих различные награды и удерживающих первые позиции в рейтинге продаж на протяжении нескольких лет. Очевидно, что подобное сопоставление есть некоторое упрощение и схематизация, однако выведенный таким образом список может рассматриваться как репрезентативный ввиду того, что с одной стороны произведение оценено профессиональным сообществом (писателями, критиками, журналистами), а с другой – является востребованным у аудитории.

В выборочный список вошли следующие произведения: Анна Глазова «Для землеройки», Алексей Цветков «Король утопленников», Виктор Пелевин «iPhuck 10», Евгений Водолазкин «Лавр», Захар Прилепин «Обитель», Владимир Сорокин «Теллурия», Владимир Шаров «Возвращение в Египет», Гузель Яхина «Зулейха открывает глаза», Леонид Юзефович «Зимняя дорога», Евгений Водолазкин «Авиатор», Людмила Улицкая «Лестница Якова», Лев Данилкин «Ленин: Пантократор солнечных пылинок», Олеся Николаева «Небесный огонь и другие рассказы», Александр Терехов «Немцы», Ксения Букша «Завод «Свобода»», Нэринэ Абгарян «С неба упали три яблока», Архимандрит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые и другие рассказы», Людмила Улицкая «Священный мусор», Светлана Алексиевич «Время секонд-хенд», Дмитрий Глуховский «Текст».

² Данные взяты с сайта <http://pro-books.ru>. Сервис сайта Pro-Books.ru <Рейтинг книг> автоматизированно обрабатывает данные о книжных бестселлерах в 11 книготорговых точках и выдает полученные результаты в виде сводного рейтинга.

Осуществленный анализ текстов художественных произведений позволил выявить шесть основных типов современных литературных героев: «свидетель эпохи»; «святой»; «виртуальный герой»; «защитник»; «дауншифтер»; «сталкер».

Охарактеризуем данные типы более подробно.

«Свидетель эпохи» – герой не нашего времени. Герой-ключ к семиотическому полю прошлого воплощен в романе Е. Водолазкина «Авиатор» [8]. Он сравнительно молод (около 30 лет). Сфера его профессиональной реализации особого значения не имеет. Такого героя почти не интересует ни политика, ни общественная жизнь: *«Страна – не моя мера, и даже народ – не моя»*. При этом повседневность такого героя, будучи частно-ориентированной, по мере развёртывания сюжета его жизни принимает характер общественно-значимый и может осознаваться таковым: *«Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворённая беседа несравнимы, потому что Ватерлоо – это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа – это событие личной истории, для которой мировая – всего лишь небольшая часть <...> Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа – никогда»*

Каждая описанная деталь, каждый фрагмент – своего рода семиотический код, позволяющий считывать не только текст, но и контекст, историческую эпоху, воплощённую в отдельной жизни: *«Может, как раз для того я воскресён, чтобы все мы ещё раз поняли, что с нами произошло в те страшные годы, когда я жил?»* Жизненные истории современников существуют контрапунктом, определяя масштаб «свидетеля». Значимым на наш взгляд, является то, что «свидетель» – верующий человек. Конфессиональная принадлежность может меняться, неизменным остаётся то, что этот герой живёт в мире, где есть Бог: *«Тихо, как в Раю. Почему-то мне кажется что в Раю должно быть тихо»*.

Однако, обращение к Богу такого героя носит характер не религиозный, а повседневный, что наглядно отображается в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: *«Аллах Всемогущий, дай исполнить задуманное – пусть никто не проснется»* [9] Возможно, данная черта характера свидетеля связана со временем его жизни – 20-е-30-е годы XX века, когда верующим было абсолютное большинство населения России.

«Святой» – герой иного типа, наиболее полно представленный в романе Е. Водолазкина «Лавр» [10]. Время, в котором он находится вне зависимости от эпохи не исторично, не линейно. Оно циклично. В каждое из событий, случившихся однажды, можно войти снова: *«Глядя в печь, Арсений видел там порой своё лицо. Лицо было покрыто морщинами. Несмотря на такое несходство, мальчик понимал, что это его собственное отражение. Только много лет спустя. <...> отражение того, кто, сидя у огня, видит лицо светловолосого мальчика»*.

Повествование разворачивается как житие так же вне зависимости от жанровой принадлежности (роман, рассказ и пр.). В связи с таким особым временем возраст героя также трудноопределяем. Это может быть молодой послушник монастыря или «прозорливый» старец. Точно можно определить конфессиональную принадлежность героя – православие. Православной традицией определяется «профессиональная» реализация героя – главный герой книги Т. Шевкунова «Несвятые святые» прошёл путь от послушника до архимандрита, наместника одного из самых богатых московских монастырей; его политическая позиция – относительная независимость героя от власти: *«Архимандрит Гавриил вел себя с властью предержащими, конечно, не вызывая, но в особых случаях не слишком церемонился»* [11]; его финансовая обеспеченность – как правило, это зависимость от монастыря, от общины, от прихожан. Личный доход не обсуждается, а если и обсуждается, то в связи с его отсутствием или с нехваткой на повседневные нужды. Однако отсутствие денег не воспринимается как трагедия, скорее наоборот – как особая «милость Божья», «смирняющая чадо», позволяющая избежать «прелестей дьявольских».

Отличительная черта «святого» – психологическая устойчивость. Испытания, выпадающие на долю героя, порой довольно тяжёлые и, что характерно, не соотносящиеся с повседневной жизнью большей части людей, воспринимаются как должное, заслуженное, то, что помогает человеку смириться перед Богом и то, что в итоге делает героя святым: *«Самыми счастливыми были годы, которые я жил в запрещении. Никогда в моей жизни Господь не был так близко! <...> Это и было лучшее время моей жизни. Братия! Не бойтесь наказания Господня! Ведь Он наказывает нас не как преступников, а как Своих детей»*.

«Виртуальный герой» киберпанковского романа В. Пелевина «iPhuck 10» «живет» в России второй половины XXII века [12]. Порфирий Петрович Каменев – служащий в полицейском управлении искусственный интеллект, литературно-полицейский алгоритм, который совмещает две ипостаси – писателя и следователя. Виртуального героя следует воспринимать и как героя, и как отсутствие героя: *«Меня не существует в самом прямом значении. Я ничего не чувствую, ничего не хочу, нигде не пребываю»; «бестелесный и безличный дух, живущий в построенной человеком среде – код, свободно копирующий и переписывающий свои секвенции»* При этом с литературным XIX веком Достоевского героя роднит не только имя, но и внешность, которую он принимает. Порфирий Петрович – обладатель лысины с длинным зачесом поперек, неизменных бакенбардов, пенсне, жандармского мундира и ботфортов со шпорами. При этом к эклектичности условно-старинного образа добавляется возможность героя менять свою внешность в зависимости от ситуации: *«я сгенерировал заспанное лицо, покрыл его двухдневной щетиной, а бакенбардам придал слабый фиолетовый оттенок. После этого я водрузил на голову ночной колпак – и свесил его кисточку на плечо, с которого в последний момент убрал эполет»*. Не случайно герой является писателем, это дает возможность автору высказаться о природе творчества и обозначить новый тип героя: *«Так называемый «герой» и «характер» – это на самом деле метки заблуждающегося разума, не видящего истинной природы нашего бытия. Такие галлюцинации возникают исключительно от непонимания зыбко-миражной природы человека»*. Зыбко-миражная природа человека сохраняется как константа в литературе настоящего и, по мнению Пелевина, в литературе будущего. Социально-демографические и социально-статусные характеристики «виртуального героя» Пелевина ярче всего обозначают «стремление освободиться от оков иллюзии, упорно выдающей себя за реальность» [13].

Герой «защитник» – это самый традиционный образ из всех выделенных нами типов героя, наиболее ярко представленный и в классической русской литературе (тип правдоискателя), и массовом кинематографе – как тип борца за справедливость, который сталкивается с системой, отстаивая нравственные идеалы. Герой романа П. Алешковского «Крепость» Иван Мальцов – историк, он живет в настоящем, но связан с прошлым родом своей профессии [14]. Прошлое для героя не абстрактное минувшее, а продолжающая болеть рана прошлого: *«настоящий историк обязан иметь предельно оголенные нервы, постоянно страдать, переживая то, о чем пишет, даже упиваться человеческой болью, из которой соткана история»*. При этом его связь с настоящим весьма условна, герой не научился быть современным, несмотря на то, что он не стар (Мальцову около 50 лет), современность ему противна: *«Слово «гаджет» вызывало у него рвотный рефлекс, и они часто ругались с Ниной из-за его старомодности: ни тебе джипиэса в разведке (впрочем, он был у молодых), ни ридера, ни айпэда, ни айфона. Он называл их «мутью», пасовал перед ними, научился только играть в маджонг»*. Общие жизненные неудачи, такие как уход жены, предательство друзей, увольнение из музея, закрытие экспедиции, которая является делом жизни Мальцова, формируют стойкой ощущение неудовлетворенности современностью с ее продажностью и коррупцией, но в тоже время, позволяют сосредоточиться на важном – защитной функции. Не зря Мальцов – потомок легендарного монгольского воина. Доблестное и воинственное в нем реализуется вне всяких компромиссов. Обладая внутренней крепостью, герой неистово отстаивает подземную крепость XV века и гибнет, его самого замуровывают под землей. Жизнь идет дальше, уже без героя *«вскоре начались крымские события – деньги, заготовленные на реставрацию Крепости, урезали, урезали, пока не урезали совсем»*.

Еще один герой современности – **«дауншифтер»**, наиболее очевидно воплощенный в романе А. Рубанова «Патриот» [15]. Это, как и герой «защитник», уже немолодой человек (48 лет). Портретные характеристики героя в романе скупые, внешний образ создается несколькими штрихами и являет пример «новой мужественности»: *«без признаков живота и лысины, наполовину рыжего, наполовину седого, тёртого, жилистого, расчётливого, азартного, безошибочного – да вдруг сотворившего все ошибки разом»*. Жизненную историю героя нельзя назвать простой. Создав с нуля собственный бизнес, будучи банкиром, Сергей Знаев к началу романа владеет убыточным супермаркетом, который называется «Готовься к войне». Героя сильно занимает создание нового дизайнера российской телогрейки *«заново придуманной и хорошо сшитой»*. Это посильный вклад Знаева в российскую жизнь. Патриотом в романе назван манекен *«одетый в <...> солдатские*

берцы, чёрные хлопковые штаны, подпоясанные солдатским ремнём, телогрейка и тельняшка, обтягивающая выпуклую пластмассовую грудь». Настоящий же патриотизм оказывается никому не нужен: «Ты что, типа патриот? – Конечно, – ответил Знаев. – А ты – нет? – Если ты патриот, хули же ты сидишь тут, в Москве? Езжай туда».

Герой живет в настоящем, в современной Москве с ее узнаваемыми реалиями, но, как и многие герои современности, тесно связан с прошлым, с девяностыми годами 20 века, временем его молодости: *«все были голодные, весёлые, все пили скверное разливное пиво, все рассчитывали в самое ближайшее время стать миллиардерами а вокруг юных красивых мечтателей ходила тёмным ходуном непонятная новая страна, настоящая терра инкогнита».*

Несмотря на то, что настоящее дарит Знаеву много приятных сюрпризов – новообретенного сына, новую любовь прекрасной юной художницы, герой не может только принимать «подарки судьбы», он сам привык быть деятельным. Жизненная позиция героя – позиция активная. Если в мир несовершенен, если проект Бога не удался, то герой готов встать на место творца: *«В этом мире всё начинается с таких, как я. С тех, кто делает. Сначала надо что-то сделать <...> А уж потом, <...> появляется всё остальное: государство, полиция, пенсионные фонды, войны, внешняя политика. В этом мире я – главный. Я превращаю пустоту в содержание».* Однако, в той реальности, что восторжествовала, таким, как Знаев, места нет. И Знаев бросает свой магазин, отвергает все счастливые авансы судьбы, собирается на Донбасс сражаться, но неожиданно уезжает в Лос-Анжелес и там пропадает в океанской пучине вместе с доской для серфа. Перед нами еще один современный герой, жизнь которого не совместима с современностью.

Последний тип героя, о котором следует сказать – это «сталкер» – иллюстрацией которого становится главный герой романа Д. Глуховского «Текст» Илья Горюнов [15]. Такое название этот тип получил на пересечении смыслов понятия: «сталкер» – как человек, исследующий «зону» иной жизни и «сталкинг» (от англ. *stalking* – преследование) – своеобразная форма преследования, одержимости жизнью другого человека. Герой романа молод, ему 27 лет. И он только что вышел из тюрьмы. Илья Горюнов, как и все вышеназванные герои, скиталец, неприкаянный и одинокий. Несправедливо осужденный на семь лет, покинутый возлюбленной, преданный друзьями, лишившийся матери, которая умерла за день до его возвращения. Единственное, что есть у героя – это свобода.

Но этого очень много и в тоже время очень мало. Убивая своего главного врага (майора полиции Петра Хазина, называемого Сука) герой реализует модель «мстителя» (разрушительную), не испытывая ни раскаяния, ни облегчения: *«Илья глянул себе внутрь, в мать. Жалости к Суке там не было. Раскаяния в том, что убил, не было тоже. Не горчило от греха. Хотелось бы почувствовать торжество справедливости: это ведь единственный раз с ним в жизни, когда бог отвернулся и Илья успел по-своему справедливость навести».*

Герой-сталкер ощущает свою богооставленность: *«Набрал богу. Постоял, послушал у себя в груди. Шли долгие гудки. Никто не отвечал. Связи не было. Или, может, у него тоже режим «не беспокоить» включен был. Вроде все и правильно сделал, а всё равно – в ад. На земле жизнь так организована, чтобы все люди непременно в ад попадали. Особенно в России»; «За богом грешники гоняются, мусолят его, с рамсами пристают. Праведному человеку с богом, как с водителем автобуса – не о чем разговаривать. Маршрут ясен: довез – вышел».*

Следующая ступень героя созидательная – жизнь взаимности, украденная жизнь. Айфон убитого Хазина (фото, видео, контакты, смс, электронная почта, заметки) позволяют герою реализовать модель «творца»: он спасает жизнь ребенку своего врага, утешает мать своего врага, мирится с его отцом.

В финале романа Глуховского герой тоже, как и герой Рубанова рассматривает вариант побега в жаркие страны, делает загранпаспорт, но жертвует собой ради девушки, которую полюбил заочно по чужой переписке, предназначенным не ему. Исход героя реализует модель «святого»: *«Телевизор продолжал работать, когда Илью, истыканного гранатными осколками, выносили из квартиры, завернув в простынь. Было немного похоже на святого Себастьяна».*

Итак, современный роман, по словам Н. А. Ягодинцевой, представляет собой своеобразный виртуальный адронный коллайдер, частицы которого «разгоняются, сталкиваются, и в результате пристального, последовательного, объемного изучения становятся более или менее очевидны

законы их взаимодействия» [5, с.109]. Инструмент социально-культурного проектирования – это попытка отыскать, уточнить образ героя, сотканного из примет времени, реализующего актуальные социальные стратегии, воплощающего разнонаправленные тенденции, культурного героя, который превращает хаос в гармонию.

Цитируемые источники:

1. Бурганов, А. Х. Извечные русские вопросы в зеркале современности // Социологические исследования. – 2002.– №4. – С.97-102.
2. Рыбчак, А. В. Семиотика главного героя в современной прозе // Записки горного института, – 2011, т. 193. – С. 195-197.
3. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. М. : Academia-Центр: Медиум, 1995. 322 с.
4. Ягодинцева, Н. А. Литература как инструмент социально-культурного проектирования // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2015. № 1 (41). – С. 107-113.
5. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. М. : Academia-Центр: Медиум, 1995. 322 с.
6. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – №3. – С.122-139.
7. Макаревич, В. Н. Групповая работа как метод конструктивной социологии // Социологические исследования. – 1993. – №11. – С.90-94.
8. Кантор, К. М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т.1: Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры, 2002. 904 с.
9. Водолазкин, Е. Авиатор. – М.: АСТ, 2016. – 416 с.
10. Яхина, Г. Зулейха открывает глаза. – М.: АСТ, 2015. 450 с.
11. Водолазкин, Е. Лавр. – М.: АСТ, 2013. – 448 с.
12. Шевкунов, Т. Архимандрит Тихон «Несвятые святые» и другие рассказы. – М.: Изд-во Сретенского монастыря; «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 640 с.
13. Пелевин, В. iPhuck 10. – М.: Эксмо, 2017. – 416 с.
14. Караев, Н. Н. Дюжина ножей в спину иллюзии // Новый мир. – 2018. – №2
15. Алешковский, П. Крепость. М.: АСТ, 2015. 592 с.
16. Рубанов, А. Патриот. – М.: АСТ, 2017. – 512 с.
17. Глуховский, Д. Текст. М.: АСТ, 2017. – 320 с.